

О дерзновеніи шведскаго плѣнника капитана Ягана Старшинта. 1718—20 гг.

Вооруженныя столкновения народовъ, сопровождающіяся обычнымъ кровопролитіемъ на непосредственномъ театрѣ военныхъ дѣйствій, неизбежно влекутъ за собою осложненія, сплошь и рядомъ основанныя на недоразумѣніяхъ, и въ тылу враждующихъ сторонъ. Наиболѣе благодарной средой для такихъ осложненій является по многимъ причинамъ, конечно, среда военноплѣнныхъ, какъ это и было. между прочимъ, въ случаѣ „дерзновенія шведскаго плѣнника капитана Ягана Старшинта“ во время Великой Сѣверной войны въ 1718 году, въ глубочайшемъ тылу тогдашней Россіи въ г. Томскѣ, Сибирской губерніи. Дѣло „о дерзновеніи капитана Старшинта“, интересное какъ по существу своему, такъ и по разнымъ бытовымъ деталямъ, передано превосходнымъ, красочнымъ языкомъ документовъ петровской эпохи, дошедшихъ до нашего времени въ полной неприкосновенности въ Дѣлахъ и Приговорахъ Правительствующаго Сената*). Къ этимъ документамъ и ихъ образнымъ выраженіямъ и приходится обратиться непосредственно, при разсмотрѣніи этого любопытнаго дѣла.

30-го ноября 1718 года сибирскій губернаторъ князь Матвѣй Петровичъ Гагаринъ доносилъ „сіятельнѣйшимъ господамъ Правительствующаго Сената“ слѣдующее: „Писалъ ко мнѣ изъ губерніи Сибирской комендантъ Томскаго города, обѣдали де у него въ Томску въ домѣ его всякаго чину томскихъ жителей немалое число, такожъ де было нѣсколько человекъ изъ шведскихъ плѣнниковъ и послѣ де обѣда стояли въ той хороминѣ, гдѣ ѣли, по разнымъ мѣстамъ, и коннаго де полку полковникъ Борисъ Середининъ извѣщаль ему, что шведкой де плѣнникъ капитанъ Яганъ Старшинтъ ударилъ рукою по персонѣ

*) Арх. М. Юстиціи, кн. 156.

Царскаго Величества, которая написана при Полтавской баталіи, и говорилъ де онъ, швецкій капитанъ, будто не такъ написана, и тотъ де швецкій капитанъ противъ того извѣту сказалъ ему, что былъ онъ пьянъ и не помнитъ того, что какъ учинилъ, а и окромѣ того полковника и другіе де то видѣли. И о томъ указъ посланъ, дабы того швецкого плѣнника Ягана Старшинта за такое его дерзновеніе держать до указа окована за карауломъ крѣпкимъ. И за такое дерзновеніе, что ему учинить, о томъ, по указу Его Царскаго Величества, что Ваше Сіятельство укажете? Матвѣй Гагаринъ“.

По этому доношенію кн. Гагарина, составленному въ свою очередь по письменному сообщенію томскаго коменданта, рисовалась слѣдующая, совершенно опредѣленная картина происшедшаго: послѣ многолюднаго обѣда, сопровождавшагося, конечно, обильными возліаніями, швецкій плѣнный капитанъ, находясь очевидно въ состояніи опьяненія, осмѣлился ударить рукою персону Государя, изображеннаго на картинѣ Полтавской битвы. По доношенію явствуетъ, что капитанъ Старшинтъ и не отрицалъ своей вины, а ссылался лишь на то „что былъ онъ пьянъ и не помнитъ того, что какъ учинилъ“.

Что же касается казачьяго полковника Бориса Серединина, видѣвшаго это дерзновеніе, но не остановившаго Старшинта (хотя, казалось бы, это было необходимо, т. к. пьяный шведъ, не видя отпора своему дерзновенію, легко могъ повторить его къ великому соблазну другихъ шведскихъ плѣнниковъ, тоже бывшихъ на обѣдѣ), то его сообщеніе о происшедшемъ могли подтвердить и другіе, видѣвшіе дерзкій поступокъ плѣннаго капитана. Въ концѣ доношенія кн. Гагаринъ запрашиваетъ, каковы будутъ распоряженія Сената по царскому указу, относительно Ягана Старшинта, заключеннаго, подъ крѣпкимъ карауломъ, въ оковы.

Резолюція Сената не заставила себя долго ждать; уже 19-го декабря того же года, т. е. менѣе чѣмъ черезъ три недѣли, Правительствующій Сенатъ, по указу великаго государя, „слушавъ вышеписаннаго доношенія, приказали-свидѣтелей, которые при помянутомъ обѣдѣ были и вышеписанное видѣли, допросить и тѣ допросы, также и швецкого плѣнника капитана Ягана Старшинта за крѣпкимъ карауломъ прислать въ Санктъ-Петербургъ въ канцелярію Сената, и о томъ къ сибирскому губернатору послать его великаго государя указъ“.

Черезъ два дня послѣдовалъ и царскій указъ, за подписаніемъ тайнаго совѣтника Тихона Никитича Стрешнева, въ Сибирскую губер-

нію губернатору князю Матвѣю Петровичу Гагарину съ товарищи, подтверждавшій вышеприведенную сенатскую резолюцію о допросѣ свидѣтелей, бывшихъ при „дерзновеніи“, и о присылкѣ въ канцелярію допросовъ, а „также и шведскаго плѣнника капитана Ягана Старшинта за крѣпкимъ карауломъ“. Ничѣмъ не отличаясь отъ сенатскаго постановленія въ резолютивной своей части, царскій указъ, сохранившійся при дѣлѣ въ черновомъ отпускѣ, имѣетъ важное измѣненіе въ своей, такъ сказать, описательной части, передающей исторію происшедшаго, а именно: въ царскомъ указѣ вычеркнуто довольно пространное сообщеніе о томъ, что Яганъ Старшинтъ ударилъ рукою изображеніе государя и, что на допросѣ, не отрицая этого факта, ссылался лишь на свое опьяненіе, и на запямятованіе происшедшаго; взамѣнъ зачеркнутаго имѣется сверху краткая и довольно неопредѣленная приписка „учинилъ нѣкоторую продерзость“. Такимъ образомъ, уже съ самаго начала, формулировка обвиненія плѣннаго шведа въ редакціи указа сибирскому губернатору потерпѣла существенное измѣненіе.

Въ это время произошла очень важная перемѣна въ управленіи Сибирской губерніи: кн. Матвѣй Гагаринъ, отличавшійся непомѣрною алчностью и грабительствомъ ввѣреннаго ему края, былъ смѣщенъ и на его мѣсто назначенъ кн. Черкасскій. Эта перемѣна нисколько не отразилась на ходѣ интересующаго насъ дѣла. Согласно царскому указу, допросныя рѣчи и плѣнникъ были доставлены въ Санктъ-Петербургъ въ канцелярію Сената въ декабрѣ 1719 года. Отъ 30-го декабря этого года имѣется слѣдующее доношеніе новаго сибирскаго губернатора кн. Черкаскаго Сенату: „Высокоучрежденному Правительствующему Сенату отъ Сибирской губерніи. Доношеніе. Въ нынѣшнемъ, 719 году, августа въ 20 день, писалъ изъ сибирской губерніи города Томска комендантъ Василей Козловъ, что по присланному великаго государя указу изъ канцеляріи Сената велѣно, по доношенію бывшаго губернатора князя Гагарина, про дерзость нѣкоторую отъ шведскаго плѣнника Ягана Старшинта допросить свидѣтелей, которые при томъ были и то видѣли, и тѣ вопросы и шведскаго плѣнника за крѣпкимъ карауломъ прислать въ Санктпетербурхъ въ канцелярію Сената. И по тому великаго государя указу, свидѣтельскіе допросы, также и оной шведской плѣнникъ высланы въ Санктпетербурхъ сего декабря 25 дня за крѣпкимъ карауломъ, и оной плѣнникъ и свидѣтельскіе допросы посланы при семъ доношеніи въ канцелярію Сената; и о приемъ помянутаго шведскаго плѣнника Ягана Старшинта, такожъ и свидѣтельскихъ допросовъ въ канцелярію Сената, указомъ царскаго величества, что опредѣлено будетъ. Князь Алексѣй Черкасскій. Декабря 30-го дня 1719 года. Справилъ Ларіонъ Седлинъ“.

Такимъ образомъ, виновникъ всего происшедшаго и весь необходимый слѣдственный матеріалъ прибыли наконецъ въ столицу и дѣло ожидало дальнѣйшаго движенія, которое и не замедлило. Въ Сенатѣ свидѣтельскіе допросы были рассмотрѣны и имъ была сдѣлана сводка. Изъ сенатской выписи, имѣющейся при дѣлѣ и передающей въ первой своей половинѣ сущность дѣла (причемъ опять фигурируетъ утверждение, что Старшинтъ ударилъ по картинѣ рукою сознательно, а на допросѣ ссылался на опьяненіе), явствуетъ, что всего было тридцать два показанія, изъ которыхъ пять было не въ пользу обвиняемаго, т. е. опредѣленно утверждали злостное дерзновеніе плѣннаго шведа. Что же касается остальныхъ показаній, то конецъ сенатской выписи гласитъ слѣдующее: „Свидѣтели жъ, которые у помянутаго оберъ-коменданта обѣдали сказали: 1 полковникъ, дворянъ 5, таможенный надзиратель 1, итого 7 человекъ, вышеписанного де капитана Старшинта дерзновенія они не видали для того, что въ то время выходили вонъ, а про то де ево дерзновеніе сказывалъ имъ помянутый оберъ-комендантъ Щербатовъ. Дворянъ и дѣтей боярскихъ 7, пятидесятниковъ 5, фискаль 1, таможенный ларечный 1, подьячихъ 6 и того двадцать человекъ сказали; у оберъ де каменданта Щербатова съ вышеписанными и съ другими людьми они обѣдали, а помянутаго дерзновенія капитана Старшинта они не видали, для того, что послѣ обѣда для своихъ нуждъ въ скорости разошлись въ дома свои“.

Интересно остановиться болѣе подробно, какъ на тѣхъ, такъ и на другихъ показаніяхъ.

Пять показаній, не въ пользу плѣннаго шведа, дали слѣдующія лица: казачій полковникъ Борисъ Середининъ, приказный дьякъ Яковъ Черниковъ, казачій полковникъ Андрей Кулаковскій, подьячій Иванъ Мельновъ и дворянинъ Дмитрій Лаврентьевъ. Эти показанія въ общемъ всѣ сводятся къ тому, что въ 718 году въ маѣ мѣсяцѣ, послѣ обѣда у бывшаго томскаго оберъ коменданта кн. Ивана Щербатова, „швецкой капитанъ Яганъ Старшинтъ стоялъ противъ картины, на которой написана персона царскаго величества при Полтавской баталіи, и поставлена въ той хороминѣ на стѣнѣ высоко, да съ нимъ же Старшинтомъ стояли и говорили швецкіе плѣнники, (по другому показанію не только плѣнники, но и дьякъ Черниковъ съ полковникомъ Кулаковскимъ), а кто имена и что говорили, того не знаетъ и, смотря де, оной Старшинтъ указывалъ на тое картину тростью и въ томъ указываніи по той картинѣ ударилъ и онъ де (свидѣтель), увидя такое его дерзновеніе, пришедъ къ нему Старшинту. спросилъ, для чего онъ то

учинилъ, и онъ де Старшинтъ ему сказалъ, что де на той картинѣ персона написана не такъ, и изъ хоромъ пошелъ“. Въ показаніи дворянина Лаврентьева имѣется еще такая деталь: „указывалъ на тое картину тростью и въ томъ указываніи къ той картинѣ приткнулъ тою жъ тростью и отъ того картина потряслась“. Эта подробность конечно нисколько не мѣняетъ общій характеръ согласныхъ показаній, она только, какъ бы, подчеркиваетъ преднамѣренность „продерзости“ шведа, столь небрежно обращавшагося съ картиной, на которой была изображена высокая персона. За то по сравненію съ первоначальнымъ доношеніемъ объ этомъ событіи, показанія эти рисуютъ происшедшее значительно иначе: прежде всего, нѣтъ и рѣчи о томъ, что плѣнникъ дерзновенно ударилъ по изображенію государя рукою, далѣе явствуетъ, что картина висѣла настолько высоко, что указывать на нее въ разговорѣ можно было только тростью, наконецъ нѣтъ никакихъ указаній на оцѣненіе шведа, которымъ можно было бы объяснить его дерзновеніе. Что же касается остальныхъ свидѣтелей по этому дѣлу, то большинство изъ нихъ ничего не могло видѣть, такъ какъ „послѣ обѣда для своихъ нуждъ въ скорости разошлись въ дома свои“, остальные же только слышали, что „шведкой плѣнникъ Яганъ Старшинтъ учинилъ въ хоромахъ дерзновеніе, ударилъ по картинѣ, на которой написана персона царскаго величества“, видать же сами ничего не видали, потому что на это время выходили изъ хоромъ, кто „для стрѣльбы изъ луковъ на лугъ“, кто „для гульбы на берегу рѣки Томи“ и т. д. Равнымъ образомъ никто не слыхалъ, чтобы дерзкій плѣнникъ былъ кѣмъ либо изъ присутствовавшихъ остановленъ въ своемъ дерзновеніи; извѣстно лишь свидѣтелямъ, что объ этомъ фактѣ, немедля, сообщили коменданту-хозяину.

По разсмотрѣніи свидѣтельскихъ показаній, въ скорости послѣдовала и сенатская резолюція гласившая: „1720 г. апрѣля въ 15 день, по указу Великаго Государя, Правительствующій Сенатъ, слушавъ вышеписанной выписки, приказали: шведскаго плѣнника капитана Ягана Старшинта, про вышеписанное его дерзновеніе, роспросить подъ присягою съ клятвою, дабы оной о томъ сказалъ по чистой своей совѣсти самую истинную правду и при томъ ему объявить, ежели онъ скажетъ о томъ неправду, то поступлено съ нимъ будетъ жестоко безъ всякаго милосердія“.

Менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли, шведскій капитанъ далъ подъ присягою свое показаніе, которое сохранилось полностью при дѣлѣ, за собственноручными подписями какъ самого Старшинта, такъ и пастора, присутствовавшего при этомъ и переводчика.

Показаніе это, по своей обстоятельности и видимой правдивости, заслуживаетъ быть приведеннымъ полностью. Вотъ оно: „Апрѣля въ 27 день по вышеписанному его Великаго Государя указу въ Сенатѣ вышеозначенной швецкой плѣнникъ Яганъ Старшина, при пасторѣ арестанской кирки, которая въ Санктъ Питербурхѣ въ татарской слободѣ, Яганъ Поддияндерѣ, предъ святымъ евангеліемъ присягалъ тако: Я капитанъ Яганъ Старшина кленусь предъ всемогущимъ Богомъ, что мнѣ по означенному на меня дѣлу, въ дерзновеніи, и разговорѣ на персону его царскаго величества и о всемъ, что при томъ случилось, по вопросу объявлю, по чистой моей совѣсти, самую истинную правду, ежели же, что скажу неправду, то повиненъ поступки надъ собою жестокой безъ всякаго милосердія; а по роспросу онъ капитанъ при томъ же пасторѣ сказалъ: въ 718 году у томскаго каменданта, князя Щербатова, послѣ Троицына дни въ первое воскресеніе, а которое число подлинно не помнитъ, онъ капитанъ былъ, по призыву того каменданта, съ другими швецкими арестанты, съ капитаномъ Юрьемъ Полманомъ, съ капитаномъ Енгельгартъ, въ гостяхъ на новоселіи дому его, при томъ въ то число полковники Борисъ Середининъ, Андрей Кулаковской, дьякъ Яковъ Чернцовъ, дворянинъ Дмитрей Лаврентьевъ, подъячей Иванъ Мелновъ, и другіе многіе люди были, и въ то жъ число, послѣ обѣда онъ Яганъ стоя при персонѣ царскаго величества, которая писана при полтавской баталіи, зъ другими швецкими плѣнники, о той персонѣ ничего ни съ кѣмъ не говаривалъ, а по обѣдѣ томъ, вышеозначенной дьякъ Яковъ Чернцовъ швецкого жъ плѣнника порутчика Густава Ленса, которой стоялъ у персоны царскаго величества, которая поставлена въ тоихъ же хоромехъ, гдѣ былъ обѣдъ надъ посторонней дверью высоко и рукою до той персоны достать невозможно, а на той персонѣ изображено его величество на конѣ и подъ тѣмъ нѣкоторыя персоны, въ подобіе швецкихъ генераловъ, и другихъ, какъ случилось быть при Полтавской баталіи плѣненныхъ, и спрашивалъ его о той персонѣ, что то изображено, и онъ де ему сказалъ, что онъ того не знаетъ, а послѣ того тотъ же дьякъ, кликнувъ его Ягана и, взявъ за руку, спрашивалъ и ево о томъ же, и онъ де, указывая на ту картину тростью, для того что рукою достать не можно, и показавъ до ноги его величества персоны, сказалъ, что та персона его царскаго величества, а другіе персоны назади внизу изображены ихъ плѣнныя генералы, какъ то случилось подъ Полтавскою баталіею, да еще де при томъ же написаны нѣкоторыя жъ персоны въ долгихъ одеждахъ и о тѣхъ показалъ онъ, что о нихъ сказать не знаетъ, и при томъ указываніи и разговорѣ, не смотря на ту персону, но оглянувся назадъ, тростью по изображенной ногѣ его вели-

чества ударилъ незапно, и конечно безъ всякаго умыслу ненарочнѣ, а помянутымъ каменданту Щербатову и полковникомъ съ товарищи, такія рѣчи, что та персона будто написана не такъ, и что былъ онъ пьянъ, и то дерзновеніе учинилъ, о томъ будто не помнить, не говаривалъ, а при томъ де всѣмъ тутъ будущимъ говорилъ, указывая той его величества персоны на ногу, что та нога написана не такъ, для того, что онъ его величества прежде того видалъ неоднократно, а именно при Полтавѣ и послѣ того въ Москвѣ въ сапогахъ, а на той картинѣ написаны тѣ ноги, какъ носятъ на чулкахъ чирики и оберчены ремнями красными и у тѣхъ чириковъ шпоры, для того онъ и сказалъ, что написано не такъ, а иного де въ томъ и ни въ чемъ умыслу ево къ той персонѣ отнюдь не было, и то де онъ все подлинно помнить, и не очень былъ пьянъ, и то де онъ чинилъ въ самую простоту безъ хитрости; а буде онъ въ томъ что сказалъ неправду, то повиненъ онъ оной клятвы и жестокой поступки безъ всякаго милосердія; тотъ роспросъ при томъ переводилъ арестантъ сержантъ Симонъ Лиманъ“. Далѣе идутъ подписи по шведски и нѣмецки.

Обстоятельное показаніе Ягана Старшинта, производящее впечатлѣніе правдиваго, рисуеъ въ общемъ картину происшедшаго такъ же, какъ и свидѣтельства показывавшихъ противъ него. Онъ не отрицаетъ даже того факта, что ударилъ по картинѣ тростью, но объясняетъ это нечаянностью, подчеркивая, что въ это время, даже и не смотрѣлъ на картину, но „оглянувся назадъ ударилъ незапно и конечно безъ всякаго умыслу ненарочно“. Зато показаніе, что будто онъ былъ совершенно пьянъ и не помнилъ, что и какъ произошло, онъ опровергаетъ категорически, прибавляя далѣе безхитростно, что „онъ все подлинно помнить и не очень былъ пьянъ“. Послѣднее заявленіе весьма характерно, т. к. свидѣтельствуеъ, что плѣнный шведъ отнюдь не стремился выгораживать и обфлитъ себя помощью замалчиванія или искаженія подробностей происшедшаго. Но есть въ показаніи одна деталь, которая очень знаменательна и можетъ объяснить многое во всемъ этомъ происшествіи, хотя въ показаніяхъ русскихъ ее совсѣмъ нѣтъ, а именно: дьякъ Чернцовъ, до разговора съ Яганомъ Старшинтомъ, обратился сперва къ другому шведскому плѣннику поручику Густаву Лесу „и спрашивалъ его о той персонѣ, что то изображено“, получивъ отъ Леса уклончивый отвѣтъ, дьякъ обратился къ другому плѣнному, т. е. капитану Старшинту, уже болѣе настойчиво, „кликнувъ его Ягана и *взявъ за руку*“, послѣ чего и произошло все остальное. Эти настойчивые распросы Чернцова наводятъ на нѣкоторое размышленіе. Приказный дьякъ, конечно, не могъ не знать, что изображено на картинѣ, если же даже, что и могло вызвать его распросы,

то естественнѣе, казалось бы, было обратиться къ кому либо изъ русскихъ, въ особенности послѣ того, какъ одинъ изъ шведовъ не сдумѣлъ или не захотѣлъ отвѣтить. Отсюда невольно возникаетъ предположеніе, что все происшедшее можетъ быть объяснено слѣдующимъ образомъ: послѣ веселаго обѣда одинъ изъ присутствующихъ, совершенно случайно, стоя со шведами подъ картиной, столъ славнаго для русскихъ и горестнаго для шведовъ, событія, подъ вліяніемъ, быть можетъ, излишне вышитаго, захотѣлъ уязвить представителей націи, которая, въ тѣ времена, въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, причиняла государству русскому тяжкія бѣдствія. Одинъ изъ спрошенныхъ сдумѣлъ уклониться отъ разговора, другой отвѣтилъ вполне корректно, но, къ сожалѣнію, нечаянно, безъ всякаго умысла, допустилъ неосторожность, которая, особенно послѣ обѣда съ возліяніями, а также и по темъ самага разговора, могла быть истолкована, какъ предумышленная „продерзость“ противъ особы славнаго полтавскаго побѣдителя, столъ памятнаго всѣмъ врагамъ Россіи. Едва ли можно предположить здѣсь какой либо преднамѣренный уговоръ и со стороны русскихъ, чтобы вызвать шведовъ на неблаговидную выходку, т. к. во всемъ показаніи Старшинта нѣтъ и намекъ на жалобу на непріязненное отношеніе русскихъ къ своимъ плѣннымъ, напротивъ, изъ его словъ видно, что онъ былъ приглашенъ къ кн. Щербатову на новоселье, совершенно такъ же, какъ и другіе.

Такимъ образомъ, съ одной стороны было желаніе вызвать совершенно неумѣстный и ненужный разговоръ, съ другой же не было соблюдено должной осторожности при разговорѣ о высокой особѣ царствующаго государя, да еще въ добавокъ при разсмотрѣніи его изображенія. Осложнившееся же недоразумѣніе слѣдуетъ отнести, главнымъ образомъ, конечно, за счетъ того, что все это происходило на новосельѣ и послѣ обѣда.

Плѣнный шведъ заслуживалъ острастки за свою неосторожность, но едва ли наказанія.

Очевидно такъ, или приблизительно такъ, смотрѣли на это происшествіе и Сенатъ въ своей докладной выписи по этому дѣлу, а также и самъ государь Петръ Алексѣевичъ, если судить по нижеслѣдующему его указу: „Великій Государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержецъ, будучи въ Сенатѣ сего маія 15 числа, слушавъ докладной выписи, указалъ, по имянному своему великаго государя указу, присланному изъ Сибирской губерніи шведскому арестанту капитану Ягану Старшинту за ево дерзновеніе, о которомъ 4 человекъ свидѣтелей сказали, что онъ, будучи въ Томску у воеводы Щербатова, ударилъ тростью по написанной его царскаго величества персонѣ, въ чемъ онъ и самъ себя призналъ, но,

вызволя себя, подъ присягою сказалъ, яко бы то онъ учинилъ ненарочно, объявить своимъ царскаго величества указомъ, что онъ за то повиненъ жестокого наказанія, но по высокой своей царскаго величества милости тоѣ его вину оставляетъ и по объявленіи послать его по прежнему въ Сибирь“. Вслѣдъ за этимъ вскорѣ указъ былъ объявленъ и самому виновнику всего происшедшаго, въ слѣдующей формѣ: „Швецкой арестантъ капитанъ Яганъ Старшинтъ! въ прошломъ 718 году, будучи ты въ Сибирской губерніи въ городѣ Томску, того города у каменданта князя Щербатова въ домѣ, къ написанной его царскаго величества персонѣ учинилъ дерзновеніе, о которомъ твоимъ дерзновеніи четыре челоѣка свидѣтели сказали, что ты оное учинилъ, о чемъ ты и самъ себя призналъ, но вызволя себя сказалъ, якобы то ты учинилъ не нарочно, и за то твое дерзновеніе великій государъ указалъ своимъ царскаго величества указомъ тебѣ объявить, что ты за то повиненъ жестокого наказанія, но по высокой своей царскаго величества милости, тоѣ твою вину его царское величество оставляетъ, а указалъ послать тебя по прежнему въ Сибирь; вышеписанной его великаго государя указъ капитану Ягану при швецкой кирки при собраніи швецкихъ плѣнниковъ и другихъ иноземцевъ сказанъ и съ того указу переводъ за рукою той кирки пастора ниже сего“. Далѣе при дѣлѣ слѣдуетъ переводъ указа за скрѣпною пастора Полвіандера, который въ заголовкѣ показанія Старшинта по-русски значитъ по чему то Полдіандеромъ.

Рѣшеніе государя, особенно принимая во вниманіе, что фактъ удара, хотя бы и нечаяннаго, по изображенію его величества, подтвердилъ и самъ Старшинтъ, былъ, по тѣмъ временамъ, высокомиловливый. За аналогичныя, и даже, можетъ быть, меньшія, „продерзости“ ввергали въ казематы или рвали ноздри. Впрочемъ не надо забывать, что шведскій капитанъ за все время своего далекаго путешествія изъ Сибири въ С. Петербургъ, а равно и разбора дѣла, „былъ за крѣпкимъ карауломъ и въ оковахъ“, получивъ такимъ образомъ достаточную острастку за свою неосторожность. Возможно, что на мягкость приговора вліяла и близость Ништадскаго мира.

Такъ закончилось это „послѣобѣденное дѣло“ о продерзости шведскаго плѣнника, начавшееся въ маѣ 1718 года и дошедшее наконецъ до благополучнаго конца лишь въ маѣ же 1720 года. Впрочемъ по російскимъ разстояніямъ, а въ особенности по тогдашнимъ путямъ и способамъ сообщеній срокъ этотъ, конечно, нельзя считать продолжительнымъ.